

ОСНОВНЫЕ ВЕКТОРЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Игорь Анатольевич ТОЛСТОКУЛАКОВ,
кандидат исторических наук, Восточ-
ный институт ДВГУ

В последнее время Корея выступает как одна из ключевых стран Северо-Восточной Азии, и это не случайно: ситуация на Корейском полуострове во многом определяет положение в СВА и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом. В силу этих причин корейскому направлению в политике Российской Федерации в регионе Северо-Восточной Азии следует придавать приоритетное значение.

Заинтересованность в развитии отношений с Республикой Корея и внимательное отношение Российской Федерации к любому изменению ситуации в КНДР и на Корейском полуострове тесно связаны с обеспечением собственных экономических и стратегических интересов, в первую очередь — с упрочением безопасности и стабильности дальневосточных рубежей. Исходя из данных стратегических установок, современная Россия строит свои отношения с КНДР и Республикой Корея, достаточно серьёзно относится к решению корейской проблемы. Всё это стало возможным после очевидной коренной перестройки политического курса Российской Федерации в начале 2000-х годов. Мы надеемся, что в основе нового курса лежит более четкое определение национальных интересов России в Северо-Восточной Азии.

С точки зрения поддержания мира и безопасности в регионе наиболее удачным решением российских властей в области внешней политики стал курс на улучшение межгосударственных отношений Российской Федерации и КНДР. Российская Федерация стремится к сохранению сбалансированных отношений с обоими корейскими государствами, основываясь на разделении политических и экономических интересов. В настоящее время прослеживается тенденция к сохранению status quo в корейском вопросе на основе нейтральной позиции «равной удаленности». Одновременно с этим Россия продолжает курс на поддержание политических и возможных экономических контактов с Севером и упрочение всесторонних отношений с Югом. Несмотря на явно прослеживающийся курс «равной удаленности», некоторые зарубежные аналитики по-прежнему уверены, что в случае появления общей угрозы Москва и Пхеньян могут пойти на тесное военное сотрудничество, основанное на прежних союзнических отношениях советского периода¹.

Подписав в феврале 2000 г. новый Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве, КНДР и Российская Федерация практически нормализовали

двусторонние отношения, что означало окончательный переход от прежнего одностороннего курса на построение отношений с Республикой Корея к политике «двух Корей». Вскоре после крушения СССР новое российское руководство исходило из ошибочного предположения, что северокорейский режим ожидает участь восточноевропейского социалистического лагеря. Возможно, был сделан вывод о том, что объединение Кореи произойдет в ближайшем будущем и на условиях Юга. Логичным продолжением таких умозаключений стало сотрудничество России с Сеулом на фоне практического игнорирования КНДР. Однако пхеньянский режим доказал свою жизнестойкость и относительную стабильность, не проявляя признаков «неизбежного краха». Учитывая такую ситуацию, обновленная администрация России пересмотрела политику на Корейском полуострове и приступила к восстановлению нормальных межгосударственных отношений с Северной Кореей.

Очевидно, что России следует продолжать поиск беспристрастной позиции и сбалансированных усилий в отношениях с обеими Кореями, но при этом необходимо чётко разделять собственные политические и экономические интересы. На практике это может привести к возникновению некоторых проблем или даже осложнений в отношениях с Республикой Корея или КНДР по конкретным вопросам текущей политики.

Другими словами, Россия должна четко придерживаться нейтральной позиции в отношениях с Северной и Южной Кореями в политической сфере, особенно с точки зрения развития межкорейских отношений. По конкретным международным вопросам, например, относительно давления США на КНДР или попыток ввести против неё международные санкции в связи с ядерными и ракетными разработками, Россия может прибегнуть к своему праву вето. В то же время у здравомыслящих аналитиков нет сомнений в том, что Российская Федерация, исходя из собственных и южнокорейских интересов, поддерживает безъядерный статус Корейского полуострова и настаивает на исключительно мирном и дипломатическом решении корейской проблемы в целом и ракетно-ядерной проблемы КНДР в частности.

Нет смысла лукавить и не признавать тот факт, что с точки зрения торгово-экономического, инвестиционного и военно-технического сотрудничества Сеул — более важный партнер для России, чем Пхеньян. Это ещё раз подтверждают итоги недавних визитов президентов Но Мухёна в Москву и В.В. Путина в Пусан. Руководители двух государств четко обозначили сходные позиции относительно упрочения торговых, экономических и военно-технических связей. По-прежнему признается необходимость и возможность Южной Кореи играть ведущую роль в инвестиционном и хозяйственном развитии российского Дальнего Востока, что дает нашим южнокорейским партнерам значительные преимущества.

Одним словом, южнокорейское направление экономической политики Российской Федерации остается приоритетным, что обусловлено не только интересами и намерением властей и деловых кругов Республики Корея участвовать в ряде значительных проектов на территории соседнего государства, но и тем, что Россия не имеет возможности и желания оказывать значительную экономическую поддержку КНДР. В таких условиях двустороннее экономическое сотрудничество Российской Федерации и Северной Кореи в ближайшее время не имеет перспективы значительного роста. Исходя из экономических интересов современной России и неспособности Пхеньяна решить проблему

своей задолженности, нам не следует ожидать значительного прорыва в их экономических отношениях.

Всё это позволяет утверждать, что в ближайшее время для России в политической сфере будет характерен нейтральный подход к обеим Кореям. Отделяя политические проблемы от возможных экономических выгод, администрация В. Путина постепенно будет пытаться усилить свой авторитет и влияние на полуострове и в то же время продолжит развитие экономического сотрудничества с Республикой Корея, особенно в области транспортного сообщения и топливно-энергетического комплекса.

Часто задают вопрос, попытается ли Москва усилить свое влияние в Пхеньяне и через него на Корейском полуострове в целом? Отношения между Россией и КНДР никогда не возвратятся на прежний уровень, который основывался на их идеологическом единстве и военно-политическом союзе. Вероятнее и оптимальнее всего вариант, если они разовьются в нормальные добрососедские связи двух приграничных государств. В то же время следует добавить, что, если бы Москва взяла на себя обязательства по обеспечению северо-корейского режима вооружением и топливом на благоприятных для Пхеньяна условиях, двусторонние политические связи значительно улучшились бы в кратчайшие сроки. Северо-корейское оружие и военное оборудование основаны на российской технической базе, и для КНДР очень важно обеспечить устойчивую поставку запчастей и оборудования, а также современного автоматизированного и компьютеризированного военного оснащения. Однако сегодняшнее российское руководство не пойдет на это, даже несмотря на «соблазн» использовать такую зависимость Северной Кореи для контроля над режимом Ким Чен Ира. Военное сотрудничество Российской Федерации и КНДР может быть усилено при условии, что оба государства столкнутся с общей угрозой или врагом. Единственной возможностью пересмотра позиции Российской Федерации может стать бесконтрольное развитие системы противоракетной обороны США и Японии или превентивные военные операции против ракетных объектов в КНДР со стороны США или Японии. Только такое развитие ситуации может стимулировать Москву и Пхеньян к сближению в военном отношении.

Определенный интерес представляет взгляд южнокорейской стороны на развитие отношений с Россией. В последние годы многие российские эксперты и предприниматели ожидали активизации инвестиционной деятельности Республики Корея на внутреннем российском рынке. Эти ожидания были связаны, прежде всего, с окончательным преодолением последствий финансового и экономического кризиса 1997—1998 гг. и новым оживлением российско-корейского политического диалога в 2001—2002 гг. Однако специалисты, непосредственно занимающиеся внешнеэкономическим курсом южнокорейского государства, весьма скептически оценивали и продолжают оценивать перспективы притока корейских инвестиций в Россию.

Деловые круги Республики Корея занимают крайне осторожную и выжидательную позицию по отношению к российским партнерам. Для этого существует ряд субъективных и объективных причин. К числу первых можно отнести общую осторожность корейских предпринимателей, их категорическое неприятие авантюрных проектов, достаточно противоречивую репутацию российских деловых кругов, общее стремление обезопасить себя от каких-либо потрясений. С точки зрения объективных обстоятельств, в первую очередь сле-

дует назвать большие возможности южнокорейских бизнесменов отыскать более «надежную» точку приложения усилий и капиталов.

Ещё более важным обстоятельством, которое достаточно известно в Республике Корея и которым всегда пользуются противники расширения контактов с Российской Федерацией, является провал или тяжелое экономическое положение всех без исключения совместных инвестиционных проектов. Перечень неудач можно было бы начать с лесозаготовок в бухте Светлой и закончить швейными предприятиями корейских бизнесменов в Приморье, закрывшимися в первой половине 2004 г.

На фоне сегодняшнего оживления переговорного процесса по проблемам экономического сотрудничества эта мысль может показаться малоубедительной, но позволим себе высказаться об одной особенности национального психотипа корейцев — их исключительном прагматизме. В этом контексте становится понятным, почему Республика Корея проявляет интерес к весьма ограниченному спектру сотрудничества с Россией: сырьевой рынок, топливно-энергетическая отрасль, продвижение корейской продукции на российский рынок и военно-промышленный комплекс. Можно назвать и другие направления, к которым наши южнокорейские партнеры демонстрируют непреходящий интерес, но все они сосредоточены либо в сфере военно-промышленного комплекса, либо на сырье.

Корейская сторона много лет приглядывается к российскому военно-промышленному комплексу, его продукция по многим параметрам устраивает южнокорейские вооруженные силы, в первую очередь — сочетанием качества и разумной цены. Прослеживается интерес не только к военной продукции, но и к передовым технологиям. Понятно, что у российской продукции на корейском рынке есть серьезнейшие конкуренты в лице США и Японии, а также ярые противники — проамериканское лобби во властных структурах, но российские научно-исследовательские институты и военно-промышленный комплекс могут «поделиться» не только готовой продукцией двойного назначения, но и технологией её производства, что корейскую сторону интересует гораздо больше.

Сырьевой рынок России давно привлекает южнокорейскую сторону. Сейчас же можно отметить в качестве новой тенденции хорошо забытое старое: повышенное стремление корейцев купить в России максимальное количество и максимальный ассортимент сырьевых материалов по минимальным ценам. Связано это с теми ожиданиями оживления корейской экономики, которые сейчас укрепились в государственных и частных структурах Республики Корея. Кроме того, ни для кого не секрет, что часть закупленного в Российской Федерации сырья корейские предприниматели перепродавали в другие страны, в частности на Тайвань, получая от этих спекулятивных операций значительную прибыль. Единственным направлением переработки российских сырьевых ресурсов, к которому в последние 1—1,5 года в Южной Корее проявляют благосклонность, является нефтепереработка.

Интерес к России как сырьевому источнику будет сохраняться в Корее всегда, и это утверждение не требует дополнительных доказательств. Но и в данной сфере прослеживаются некоторые нюансы. Если оставить в стороне перепродажу российских сырьевых материалов и остановиться только на переработке полученного из РФ сырья, то еще несколько лет назад корейские предприниматели предпочитали делать это на отечественной промышленной базе. В настоящее

время ввиду стремительного роста стоимости рабочей силы и увеличения прочих производственных расходов в Республике Корея оказалось, что рентабельнее размещать перерабатывающие предприятия на российской территории. Вот и ответ, почему решено направить инвестиции на строительство и переоборудование нефтеперерабатывающих заводов в России. Деловой мир Южной Кореи готов инвестировать капитал в экономику России, но лишь в те точки, которые максимально соответствуют его прагматическим интересам.

Ещё более наглядно прослеживается прагматизм корейской стороны в вопросе о соединении Транссиба и единой железнодорожной сети Кореи. Несколько лет идут разговоры об этом, все заинтересованные стороны готовы к сотрудничеству, причем явных противников у проекта нет. Но до сих пор не принято главное решение, которого Россия ожидает уже не первый год, — не определен основной маршрут Транскорейской магистрали: по берегу Японского или Желтого моря. Мы полагаем, что основная причина заключается не в экономической плоскости, а в политике. Для Республики Корея, да и для КНДР выгодно «эксплуатировать» антагонистические интересы Китая и Российской Федерации, получая при этом максимальные политические дивиденды. На наш взгляд, ситуация будет оставаться не определенной до самого критического момента — ведь это один из немногих реальных рычагов давления на Москву и Пекин, которым могут пользоваться оба корейских государства. Сегодня многие эксперты по проблемам Северо-Восточной Азии продолжают анализировать итоги визита В.В. Путина в Пусан, при этом серьезное внимание уделяется «главной новости», озвученной по результатам встречи президентов Российской Федерации и Республики Корея: открывающейся возможности для южнокорейских компаний принять участие в проекте строительства трубопровода «Тайшет—Приморье». Мнения высказываются различные. Превалируют две оценки.

Во-первых, подчеркивается, что российская сторона озвучила свое предложение не столько в ходе поездки В.В. Путина в Южную Корею, сколько накануне его визита в Японию, а значит, главный адресат данного предложения не Сеул, а Токио. Это означает намерение российского руководства оказать дополнительное давление на японских партнеров с тем, чтобы заставить их более активно и реально участвовать в этом проекте, имеющем для России жизненно важное значение.

Во-вторых, достаточно многие эксперты заявляют, что Россия окончательно рассталась с надеждами и иллюзиями относительно японского финансирования нефте- и газопроводов из Сибири на Дальний Восток. В такой ситуации она вынуждена искать альтернативные источники финансирования: именно Республика Корея сейчас рассматривается российским руководством как наиболее оптимальное решение проблемы. С этой точки зрения решение России о привлечении южнокорейской стороны к реализации намеченного строительства является давно продуманным и окончательным, а момент его оглашения совпал с пусанским саммитом не случайно: у прояпонского лобби в Москве ещё остаются ожидания активизировать позицию Японии и не дать финансовым надеждам окончательно переключиться на Сеул.

В любом случае обращается внимание на тот факт, что речь идет исключительно о финансовом участии в проекте. Для нас это означает, что Россия по-прежнему надеется на техническое содействие со стороны Китая и не оставляет варианта трубопровода «Сибирь—Китай». Такой план строительства по-

зволит России в случае необходимости внести в маршрут трубопровода принципиальные изменения: отказаться от строительства нефтеналивного терминала в бухте Перевозной и перенацелить все сооружение на Китай.

Особое внимание сегодня обращено и на возможности строительства газопровода из Российской Федерации на Корейский полуостров с участием двух (Россия, Республика Корея) или трех сторон (Россия, Республика Корея, КНДР). Данный проект может связать сахалинские газовые месторождения с Корейским полуостровом, а поскольку Корея имеет на Сахалине особые интересы, связанные с местной диаспорой, проект создания объединяющей две страны газовой системы имеет не только экономическое, но и явно выраженное политическое и национальное значение. Очевидно, что для южнокорейской стороны реализация сахалинского газового проекта может оказаться более предпочтительной.

Исходя из этого, Республика Корея может отказаться от финансового или иного участия в тайшетском или ковыктинском проектах и начать активную и последовательную обработку России с целью стимулировать её на строительство газопровода «Сахалин — Корейский полуостров».

Так или иначе мы уверены в том, что Россия и Республика Корея твердо намерены в ближайшие месяцы расширить региональное взаимодействие в энергетической сфере, на это нацелен российско-корейский План совместных действий в области торгово-экономического сотрудничества, подписанный по итогам переговоров президентов двух государств в ноябре 2005 г. В то же время сохраняется возможность активизировать совместные разработки в сфере электроэнергетики, включая строительство линии электропередачи между Российской Федерацией, КНДР и Республикой Корея.

Новые энергетические проекты в корне меняют инфраструктуру всего региона Северо-Восточной Азии, значительно укрепляют его энергетическую стабильность и безопасность. Значит, они выгодны всем без исключения государствам СВА.

В последнее время очевидным становится намерение Республики Корея и России развивать более тесное сотрудничество не только в энергетике и транспортной отрасли, но и в военно-технической сфере. Очевидно, что российское руководство на протяжении последних трех—пяти лет видит наиболее перспективными направлениями взаимодействия Южной Кореи и Российской Федерации в энергетике, транспорте, связи, науке, совместном развитии информационных технологий и рыболовстве, реализации конкретных проектов в военно-техническом сотрудничестве и освоении космоса.

Экспертам известно о закупках южнокорейской стороной российских противозенитных ракетных комплексов «Игла», «Метис», БМП-3, танков Т-80, учебно-тренировочных самолетов Ил-193, судов на воздушной подушке «Мурена». Обратим внимание на тот факт, что общедоступные средства массовой информации в Южной Корее предпочитают об этом не писать, а значит, далеко не все в Республике Корея знают о реализуемых направлениях российско-корейского военно-технического сотрудничества. Отсутствие широкой информации часто приводит к ошибочным выводам относительно реализации конкретных проектов. Вероятно, попытка закамуфлировать реальные военные контракты Российской Федерации и Республики Корея связана с желанием южнокорейской стороны как можно меньше раздражать своего традиционно военного партнера США.

Существуют определенные проработки по развитию двусторонних отношений и сотрудничеству в ядерной области и взаимодействию в таких направлениях, как поставки в Южную Корею из России низкообогащенного урана, проектирование и создание реакторов малой и средней мощности для плавучих атомных электростанций и установок для опреснения морской воды. Однако недостаточность информации и закрытый характер военно-технического сотрудничества не дают нам простора для научного анализа.

Большинство специалистов весьма позитивно оценили сделанный В. Путиным в ходе недавнего визита в Пусан анализ нынешнего состояния и перспектив двусторонних торгово-экономических отношений. Они согласны с оценкой Президента Российской Федерации в том, что товарооборот между Россией и Южной Кореей в 2005 г. может составить почти 7 млрд. дол. Оценивая этот показатель как «новый рубеж торгово-экономических отношений», В. Путин сказал, что «это не такая огромная цифра, однако в сравнении с предыдущими показателями она отражает темпы российско-корейских торгово-экономических отношений»². В ближайшие годы отмеченная российским президентом тенденция должна сохраниться, и при условии активного участия Республики Корея в сибирском нефтепроводном проекте и реализации идеи о транскорейской железнодорожной магистрали к концу первого десятилетия XXI в. объем товарооборота между двумя государствами может превысить 10 млрд. дол.

В ноябре прошлого года руководители двух государств обсудили также возможность ограничения контрабанды российских морепродуктов на южнокорейский рынок. Российская Федерация уже несколько лет предлагает заключить межправительственное соглашение о предупреждении незаконных поставок в Республику Корея продукции морского промысла российского происхождения. Позиция Южной Кореи не совсем соответствует интересам России. С учетом южнокорейского законодательства и сложившейся в Северо-Восточной Азии практики добычи, продажи и переработки морепродуктов на сегодняшний день власти Республики Корея не могут запретить российским и другим иностранным судам, имеющим разрешение на морской промысел, заходить в южнокорейские порты. Вместе с тем следует подчеркнуть, что порты Республики Корея стали одним из основных каналов незаконного вывоза морепродуктов, добытых исключительно в экономической зоне России. По неофициальным данным, ежегодно принимается до 300 тыс. т такой продукции, большая часть которой затем реэкспортируется в Японию.

Наибольший урон интересам Российской Федерации приносят свои же российские суда, поскольку южнокорейские рыбаки боятся потерять официальные квоты, выделенные Россией, и стараются не нарушать местных законов. Следовательно, основная ответственность по пресечению контрабанды морепродуктов из собственной экономической зоны лежит на российских властях. Относительно «лояльные» по отношению к России эксперты из Республики Корея полагают, что требования российской стороны предоставить статистические данные о разгрузке российских судов в южнокорейских портах выглядят не вполне обоснованными. Имеются и более категоричные оценки, отстаивающие мысль о том, что ни Япония, ни Южная Корея не обязаны предоставлять третьим странам какую-либо статистическую информацию. Более того, ослабление или исчезновение контрабандного потока морепродуктов из России, по их мнению, может нанести ощутимый урон реально сложившемуся в Южной Корее рынку морепродуктов.

Тем не менее у российских властей есть достаточные рычаги для воздействия на корейских партнеров. Один из них есть не что иное, как квотирование рыбных ресурсов. Правительство Республики Корея постоянно просит Москву увеличить южнокорейскую рыболовную квоту в российских водах, создать условия для более широкого доступа рыболовных судов, добывающих минтай в российской зоне. Вопрос расширения рыболовных квот обсуждался в ходе пусанской встречи.

Следует обратить внимание и на политические последствия визита В. Путина в Пусан. В ходе переговоров президенты двух государств всесторонне обсудили ситуации на Корейском полуострове. Особое внимание обращено на высказывание президента Российской Федерации в пользу продолжения шестистороннего формата диалога по корейской проблеме в Пекине. Большинство средств массовой информации прямо цитируют слова В. Путина: «Мы выступаем за продолжение шестистороннего формата переговоров и считаем, что наиболее рациональным способом мирного разрешения проблемы, снятие напряженности в регионе является именно переговорный процесс... Россия всегда стремилась и выражает сегодня однозначную поддержку диалогу и сближению корейских государств и процессу обеспечения безъядерного статуса Корейского полуострова»³.

Обращает на себя внимание и совпадение идеологии двух государств в отношении будущего Северо-Восточной Азии. Президенты Республики Корея и Российской Федерации договорились укреплять двустороннее сотрудничество в продвижении южнокорейской инициативы о начале «эры процветания в Северо-Восточной Азии» и российских проектов развития своих регионов Дальнего Востока и Сибири, по высказыванию Но Мухёна, «...это будет способствовать установлению мира и процветанию всего региона»⁴.

Определение приоритетов по отношению к КНДР и Республике Корея, равно как и безусловная необходимость России участвовать в решении корейской проблемы, требуют от руководства Российской Федерации максимально придерживаться принципов «ограниченной вовлеченности» и «равной удаленности». Содержанием дальневосточной политики России остается неизменно позитивное отношение к перспективе объединения Кореи. Кроме того, любой конфликт в регионе Северо-Восточной Азии напрямую угрожает военной, политической и экономической безопасности российского Дальнего Востока. К сожалению, парадигма развития ситуация на Корейском полуострове в последние два — три года делает эту угрозу достаточно реальной. В такой ситуации устранение главной причины — конфронтации Республики Корея и КНДР — вне всяких сомнений соответствует коренным интересам России в Северо-Восточной Азии.

Однако такой подход, на наш взгляд, не полностью отражает реальность. Иметь по соседству мощное и враждебное государство в лице объединенной Кореи — для России перспектива неблагоприятная. В связи с этим большинство специалистов ставят вопрос об обеспечении бессрочного и позитивного нейтралитета будущей единой Кореи⁵. Отсутствие очага напряженности в приграничной зоне российского Дальнего Востока с его тихоокеанскими военно-морскими базами и стратегически важным для России выходом в Азиатско-Тихоокеанский регион полностью соответствует концепции национальной безопасности РФ, принятой в 1999 г.⁶ Но где гарантии, что объединительный

процесс и дальнейшее построение общекорейского государства пойдут по выгодному для России сценарию?

Объединенная Корея в тесном военно-политическом союзе с США и/или Японией может оказаться большей угрозой для России, чем сегодняшнее положение дел. Поэтому сохранение status quo на Корейском полуострове в ближайшей перспективе — основной приоритет российской политики. Обеспечить позитивный нейтралитет будущей единой Кореи — задача российского внешнеполитического курса на отдаленную перспективу.

Не только Россия, но и каждая из сил, представленных в регионе Восточной Азии, в той или иной степени зависят от хода и результатов объединительных процессов на Корейском полуострове. В комплексной «корейской» проблеме трудно выделить главный компонент, но доминирующим должен стать анализ факторов, способствующих или мешающих сближению КНДР и Республики Корея. Позитивно следует оценивать относительно самостоятельную позицию Сеула в отношении диалога с КНДР, ставшую очевидной после 2000 г.

Необходимо признать, что в современных условиях КНДР и Республика Корея обладают всеми возможностями для самостоятельного решения проблем Корейского полуострова. Ведущее направление объединительного процесса — упрочение торгово-экономических отношений и гуманитарных связей.

Заинтересованные стороны должны осознавать, что главная цель их политики на корейском направлении заключается в сохранении status quo в ближайшей перспективе и обеспечении нейтралитета будущей единой Кореи. Именно на этом должны быть сосредоточены сегодняшние усилия России.

Одним из направлений развития межгосударственных отношений и сотрудничества в Северо-Восточной Азии могло бы стать создание здесь регионального международного механизма по примеру Организации сотрудничества и безопасности в Европе (ОБСЕ), направленного на координацию международной деятельности в Восточной Азии и решение всего комплекса гуманитарных, экономических, политических и экологических проблем.

¹ *Joo Seung-Ho*. DPRK — Russian Rapprochement and Its Implications for Korean Security // Pacific Observer. 2003. Vol. 2. P. 38.

² [Путин В.В.] Материалы пресс-конференции по результатам саммита АТЭС в Пусане. Online. Available: http://www.pravda.ru/economics/2004/7/21/64/18540_.html. November 25. 2005.

³ [Путин В.В.] Материалы пресс-конференции по результатам саммита АТЭС в Пусане. Online. Available: http://www.pravda.ru/economics/2004/7/21/64/18540_.html. November 25. 2005.

⁴ Там же.

⁵ *Ли Вл. Ф.* О бессрочном нейтралитете Корейского полуострова в свете мирового опыта XX в. М., 1999.

⁶ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Независимое военное обозрение. 1999.

SUMMARY. For the last time Korea becomes one of the key countries of North East Asia, and it is not by accident. The situation in Korean Peninsular determines in much the position of North East Asia region as a whole. That is why the investigation of policy of the Russian Federation in North East Asia deserves priority significance. The article by Candidate of Historical Sciences Igor Tolstokulakov “The main vectors of the Russian policy on the Korean Peninsular” is on to this problem.